

Язык как феномен культуры

Салеева М.В.

Белорусский государственный университет, Минск

Статья посвящена философскому анализу языка как особого феномена культуры, проблеме соотношения языка и мышления в контексте современных научных дискуссий. Автор выявляет онтологию единства языка и мышления, преодолевая редукционистские трактовки языка как простого инструмента коммуникации или отражения внешней реальности. В работе предлагается междисциплинарный подход, синтез идей классической немецкой философии (В. Гумбольдт), гуманитарной традиции (А.А. Потебня) и интуитивизма (Б. Кроче) с данными современных гуманитарных исследований. Обосновывается позиция, согласно которой язык не сводится к своей коммуникативной функции. Доказано, что язык обладает триединством, базирующимся на природном, социальном и, главное, духовном началах. Показано, что мышление носит дихотомический характер, включает как рационально-логический, так и эмоционально-интуитивный компонент. Язык выступает не только продуктом, но и активным инструментом культуры, формирующим национальное сознание и «языковую картину мира». Специфика человеческого языка заключается в его способности выражать внутренний мир субъекта и сакральный опыт поколений, что делает его феноменом духа, не сводимым к формальным алгоритмам.

Ключевые слова: язык и мышление, философия языка, лингвокультурология, духовное начало, картина мира, коммуникация, когнитивные функции.

(Искусство и культура. — 2026. — № 1(61). — С. 58–62)

Language as a Phenomenon of Culture

Saleyeva M.V.

Belarusian State University, Minsk

The article offers a philosophical analysis of language as a distinctive cultural phenomenon and examines the relationship between language and thought in the context of contemporary scholarly debates. The author identifies the ontological grounds for the unity of language and thought, overcoming reductionist conceptions of language as a mere instrument of communication or a reflection of external reality. The article proposes an interdisciplinary approach that synthesizes ideas from classical German philosophy (W. von Humboldt), the Russian humanities tradition (A.A. Potebnia) and intuitivism (B. Croce) with findings from contemporary humanities research. It substantiates the claim that language cannot be reduced to its communicative function. It is demonstrated that language possesses a threefold nature grounded in natural, social and, above all, spiritual foundations. Thought is shown to have a dichotomous character that comprises both rational-logical and emotional-intuitive components. Language is presented not only as a product but also as an active instrument of culture that shapes national consciousness and the “linguistic picture of the world”. The specificity of human language lies in its capacity to express the inner world of the subject and the sacred experience of generations, which makes it a phenomenon of spirit irreducible to formal algorithms.

Key words: language and thought, philosophy of language, cultural linguistics, spiritual dimension, worldview, communication, cognitive functions.

(Art and Cultur. — 2026. — № 1(61). — P. 58–62)

Проблема соотношения языка и мышления давно стала классической и уже при первоначальном подходе к ней переросла границы языкознания как науки. Этой проблемой занималась философия, ныне на нее претендует еще культурология и ее новое «отделение» — лингвокультурология.

С XIX века (со времен В. фон Гумбольдта) гуманитарная наука не слишком далеко продвинулась ни в определении сущностной природы языка (в целом, обобщенном

виде), ни в прояснении степени автономности языка от мыслительных процессов в контексте современных нейробиологических открытий.

Сопоставление языка и мышления, рассматриваемое в классической форме в XIX веке В. фон Гумбольдтом и получившее марксистскую интерпретацию в формуле «язык есть непосредственная действительность мысли», сегодня требует переосмысления в свете междисциплинарного

Адрес для корреспонденции: e-mail: m_saleyeva@mail.ru — М.В. Салеева

синтеза когнитивных наук, нейрофилософии и лингвокультурологии.

Сегодня исследования функциональной асимметрии мозга достаточно убедительно демонстрируют, что мышление не сводится к логико-вербальным операциям левого полушария, но включает пространственно-образные, эмоциональные и интуитивные компоненты, связанные с правым полушарием и не находящие прямого отражения в языке. Открытия в области бессознательного (от З. Фрейда и К.Г. Юнга до современной когнитивной психологии) показывают, что значительная часть психических процессов протекает вне сферы вербализуемого сознания. В то же время стремительное развитие нейросетевых языковых моделей парадоксальным образом обнажает границы формализации языка: искусственный интеллект успешно воспроизводит синтаксические структуры, но оказывается беспомощным перед феноменами смысла, контекста, иронии, метафоры — то есть именно тех аспектов, которые А.А. Потебня связывал с «внутренней формой слова», а Б. Кроче — с духовно-интуитивной природой языка.

Особый интерес вызывает рассмотрение этой проблемы в контексте лингвокультурологии, демонстрирующей, что язык не является нейтральным посредником между мыслью и реальностью, но активно участвует в конструировании «картины мира» — концепция В. фон Гумбольдта о «языковом мировидении». В современных условиях вопрос о духовной природе языка перестает быть схоластическим и становится критически важным для понимания механизмов сохранения культурной идентичности.

Сегодня лингвокультурология (Ю.С. Степанов, В.В. Воробьев, В.А. Маслова) убедительно показывает, что в языке кристаллизуется не только понятийная система народа, но и его эмоциональный опыт, система ценностей, религиозные интуиции, эстетические предпочтения — весь тот комплекс, который можно обозначить как духовное измерение, понимаемое не в теологическом, а в культурно-антропологическом смысле как синтез познавательного (истина), этического (добро), религиозного (вера) и эстетического (красота) начал.

Цель исследования — рассмотреть концепцию духовной природы языка как особого посредника между сознательными и подсознательными уровнями мышления и культурно-исторической традицией, сопоставив классические идеи В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни и Б. Кроче с данными современной науки и гипотезой лингвистической относительности.

Проблема отождествления языка и мышления в марксистской традиции. Восточнославянская гуманитарная традиция почти весь XX век развивалась под сильным влиянием положений о языке К. Маркса и Ф. Энгельса. Они фиксируют взаимодействие языка и сознания таким образом: «Язык также древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание». Далее К. Маркс и Ф. Энгельс утверждают: «...Подобно сознанию, язык возникает лишь из потребностей, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [1, с. 29].

В доктрине Н.Я. Марра, долгое время официальной, фактически отождествлялись сознание и язык, что вело к упрощенному представлению: содержательная структура языка — это и есть структура общественного сознания. Между тем объем сознания существенно шире актуального мышления: в него входят чувственные образы, переживания, установки, интенции, значительная часть которых не сводится к логическим операциям и не исчерпывается вербализованной мыслью.

Дихотомия мышления: рациональное и эмоциональное. Открытие З. Фрейда, К.Г. Юнга и целых направлений современной психологии наглядно свидетельствует о том, что язык принадлежит также и сферам бессознательного и подсознательного. Сам характер мышления двойственен, дихотомичен.

Познавательная активность человека, которая лежит в основе мышления, не может быть направлена только на отражение внешней реальности. Мышление может быть логически оформленным (как правило, это наиболее наглядно представлено в познавательном процессе, где органично рождается мысль). Но есть эмоционально окрашенное мышление, особенно ярко проявляющееся в религиозных отношениях (в проявлениях веры) и в художественно-образном процессе.

В XX веке существенную коррекцию в природу мышления вносят феноменология (с идеей интенциональности), аналитическая философия с ее абсолютизацией формально-логических закономерностей мышления, интуитивизм и экзистенциализм, исследующие соотношение рационального и эмоционального в мышлении. Таким образом, проблема мышления не может интерпретироваться столь однозначно, как это было в XIX веке, она имеет кроме рационального основания (связанного с головным мозгом) и определенный эмоциональный субстрат.

Об этом говорят и новейшие исследования. Так, Е. Яхнин утверждает, что «без эмоций в качестве критерия оптимизации вариативное мышление невозможно» [2, с. 35]. Автор, исходя из современной естественнонаучной методологии, утверждает, что гомункулус управляет процессом мышления.

Но еще более интересными представляются дефиниции сознания и мышления. Сознание — это способность или свойство нашего мозга создавать действительные и виртуальные представления... мышление — это логически связанные (эволюционно выработанной программой) ветвящиеся последовательности представлений [2, с. 37].

Несовпадение единиц мысли и единиц языка. Принято считать, что связь языка с реальной действительностью осуществляется через мышление. Это предполагает определенное единство языка и мышления, которое опять-таки получило четкое обоснование в известном положении классиков марксизма: «Язык есть непосредственная действительность мысли» [1, с. 448].

Отождествление понятий сознания и мышления не может привести к позитивному результату. От обратного это доказал известный лингвист Н. Марр, в чьей доктрине эти понятия не дифференцировались, что на практике привело к отождествлению содержательной структуры языка с сознанием. В реальности объем сознания существенно отличается от конкретного процесса мышления. Ибо сознание — это не только совокупность умственных и чувственных образов, но еще и процесс переживания их, не только в мыслительном действии, но и в форме «чувственного созерцания». Такое современное понимание сущностной природы человеческого сознания предоставляет достаточно большую переменную шкалу для его выражения, в том числе в языковом отношении.

Еще в 30-х годах прошлого века выдающийся психолог Л. Выготский в работе «Мышление и речь» замечал: «Течение и движение мысли не совпадают прямо и непосредственно с развертыванием речи. Единицы мысли и единицы речи не совпадают. Один и другой процессы обнаруживают единство, но не тождество. Они связаны друг с другом сложными переходами, сложными превращениями» [3, с. 13]. Язык как феномен культуры представляет собой весьма сложное явление, поскольку в нем выражается (порой одновременно) и сознательное, и подсознательное (и элементы бессознательного, так или иначе находящие отражение в сознании).

Достаточно конструктивной нам видится позиция лингвистов — авторов коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира», в которой утверждается, что «наряду с отражением социальной функции язык выступает феноменом, отображающим законы природы» [4, с. 3].

Это и в самом деле так. Язык, в известной степени, строится на природе человека. Последняя, с нашей точки зрения, имеет три фундаментальных базовых основания: природное, ибо человек также «дитя природы» (Ф. Энгельс), социальное и духовное. Но, наряду с природным, социальным (на котором надстраиваются общественные функции языка) не менее важным фактором выступает духовное начало в языке. На этом настаивал Вильгельм фон Гумбольдт, выдающийся немецкий философ и лингвист, основатель Берлинского университета. Так, в своей работе «О различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода» он утверждал: «...Язык есть как бы внешнее проявление духа народа; язык народа есть его дух... Язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли» [5, с. 10].

Концепция «духовной природы» языка. Духовное начало является базисной составляющей сущностной природы человека. Разумеется, не в классическом (религиозном) смысле, а в русле современного научного гуманитарного взгляда, где духовное понимается как синтез знания, веры (в историко-культурологическом ключе), добра (этическое) и красоты (эстетическое). При этом генезис духовного видится (в рамках научного знания) в духовном опыте тысяч поколений людей, который генетически концентрируется и в людях XXI века. Думается, что и законы долгого эволюционного развития языка тоже, в известной степени, генетически обусловлены. Здесь мы вновь можем обратиться к наследию В. Гумбольдта, в частности, к его идее «языкового мировидения». «Разные языки, — утверждал ученый, — это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения (Ansichten) его... Путем многообразия языков непосредственно обогащается наше знание о мире и то, что нами познается в этом мире; одновременно расширяется для нас и диапазон человеческого существования» [5, с. 9].

Здесь речь идет о «языковом мировидении» и «языковом сознании народов». Это становится возможным только в том случае, если язык понимается как сложный, неоднозначно трактуемый организм, осуществляющий

коммуникацию между внешним миром и внутренним миром человека. Сочетание слов, которые существуют в национальном языке, несут на себе не только движение мысли предыдущих поколений, но побуждают к осмыслению их и современных представителей данного народа (этноса). В то же время национальное языковое «видение» не закрывает пространство для общения с другими языками и через них с культурами других народов. Ибо в этих «других» языках (особенно развитых) также соблюдается накопленный баланс между мышлением и языком, между рефлексивным отражением окружающего мира и внутренней речью человека, оценивающего этот мир и, в свою очередь, выдвигающего на первый план свои собственные потребности и интересы. Здесь сказываются не только гносеологические или, как любят выражаться лингвисты, когнитивные возможности языка.

Язык являет собой уникальный феномен культуры. Он одновременно выступает и в качестве продукта культуры, и в качестве ее инструмента. В этом плане он также соотносится с мышлением: оба феномена культуры одновременно и автономны, и взаимозависимы. В современном словаре когнитивных терминов под концептом, в русле когнитивного лингвистического видения, понимается не только «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике», но и единица универсального «синтаксиса человеческих мыслей» [6, с. 90].

Таким образом, в лингвистической картине мира необходимыми компонентами могут выступать не только лексические, но и синтаксические структуры. Это наглядно подтверждает предположение, что язык обладает не только отражательной способностью и служит, следовательно, отражением (вернее, выражением в словесной форме) мысли, но ему присуще и собственное создание смысла сообщения. Физиологически это обуславливается различием деятельности полушарий человеческого мозга. «Установлено, — пишет О. Ким, — что активность левого полушария преимущественно связана с логико-словесным типом мышления и постижением мира, а правого — с пространственно-образным. При переработке информации левое полушарие анализирует предметы по индуктивному (от частного к общему) принципу, а правое — по дедуктивному (от общего к частному)» [7, с. 74].

Язык, разумеется, имеет обратную связь с сознанием, но не является простым

отражением его. Кроме того, что в нем находят достаточно адекватные выражения ощущения и восприятия, он еще и фиксирует представления, закрепляя их в памяти. И, в отличие от мышления, строящегося на понятийной системе, язык может представлять реальность в целостности, то есть, опираясь не только на рациональные, но и на эмоциональные компоненты. На это обстоятельство особое внимание обращал выдающийся восточнославянский исследователь XIX века А.А. Потебня. В своей фундаментальной работе «Мысль и язык» он довольно тонко для своего времени пишет о соотношении мышления и языка: «...область языка далеко не совпадает с областью мысли. В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но в начале она, по-видимому, еще не доросла до него, а на высокой степени отвлеченности покидает его» [8, с. 68].

Язык свойственен только человеку, и он по природе своей не является физиологическим явлением (его нельзя выводить из инстинкта). Он как бы дополняет мышление, но и не исходит непосредственно из сознания, а из всего духовного потенциала, которым обладает язык. При этом ученый пророчески утверждает, что «язык есть переход от бессознательности к сознанию» и связывает законы его образования и развития с «душевной деятельностью» людей. А.А. Потебня различает язык чувства и язык мысли.

Все положения мыслителя (если принять во внимание время, когда были написаны эти строки) поражают своим новаторством. И внутренние истоки языка, угадываемые исследователем в звуке, и созидательные возможности самого языка, порой при помощи чувства приобретающие суверенную интенцию, и, наконец, понимание значения слова (в русле современной философской науки — аксиологический взгляд на проблему).

Более того, тонко понимаемое искусство (особенно поэзия), мыслитель видит определенную связь между языком и искусством; поэтому его дефиниция художественного произведения представляет собой синтез трех моментов (внешней формы, внутренней формы и содержания), результат бессознательного творчества, средство развития мысли и самосознания [8, с. 190].

В XX веке, во время становления постклассической науки (доктрина В.С. Степина), взгляд на соотношение мышления и языка приобрел новое измерение. Особенно в этом плане получило яркое выражение в западноевропейской философии направление интуитивизма.

Итальянский философ Бенедетто Кроче уже в первой своей всемирно известной книге «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1902) четко определил: «по своему происхождению язык является духовным созданием» [9, с. 149].

Полемизируя с редукционистскими трактовками, он разделяет мысли о духовной природе языка со своим современником, филологом-гебраистом Франческо Шербо (1849–1927), который утверждает: «язык имеет духовные, а не фонетические законы; ...Язык — дело духа: разум, воля, память, внимание, воображение объясняют, и только они, его возникновение» [10, с. 183].

Б. Кроче предлагает понимать язык прежде всего как интуитивно-образное выражение: интуиция (или воображение) — первоначальный духовный факт, от которого и происходит язык, и который, более того, сам является языком» [9]. Логический рассудок, по его мысли, вторичен по отношению к этой первичной интуитивной экспрессии.

Концепции Потевни и Кроче, при всех различиях, сходятся в признании духовной автономии языка: в нем закрепляется не только рациональное знание, но и дорефлексивный опыт, интуитивные схемы мира, эстетическое и ценностное отношение к действительности.

Заключение. В свете современных исследований кажется доказанной диалектическая природа языка, а предлагаемые ранее односторонние трактовки этого сложного явления недостаточно раскрывают его комплексную природу. Необходимо рассматривать язык как результат длительной исторической эволюции, «кристаллизацию» опыта предыдущих поколений. Он не возникает спонтанно, а наследуется как культурное достояние (традиция), формирующее сознание индивида. Одновременно язык выступает активным деятельным началом. Это «орган» культуры, с помощью которого не только передается информация, но и осуществляется самопознание народа, фиксируются ценности и создаются новые смыслы.

В современной науке актуален триединый подход к генезису языка, чисто материалистические или социологические объяснения на современном этапе себя исчерпали. Безусловна биологическая предпосылка

в функционировании языка и мышления, однако она не является определяющей. Язык необходим для общения и взаимодействия людей в социуме, но и социальная функция не исчерпывает всей его сущности.

Многие современные исследователи в области философии и психологии выводят духовное начало на первый план, и автор эту идею полностью разделяет. Опираясь на идеи В. Гумбольдта и А. Потевни, можно утверждать, что язык — это, прежде всего, «деятельность духа», способность выражать внутренний мир человека, его чувства и интуиции. Именно духовный компонент отличает человеческий язык от сигнальных систем животных и делает его способным к созданию высокой культуры и искусства.

Язык нельзя рассматривать только как средство общения, так игнорируется его роль в формировании мысли (внутренняя речь) и сохранении уникальной картины мира. Язык обладает автономностью, он не просто «обслуживает» мышление, но и фиксирует эмоциональный опыт; структурирует восприятие реальности; выражает национальное своеобразие и «языковое сознание». Коммуникация — это лишь внешнее проявление языка, тогда как его внутренняя суть заключается в духовном взаимодействии и смыслопорождении. Необходимо учитывать этот фактор при построении современных лингвистических теорий и моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс, К. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1955. — Т. 3. — 650 с.
2. Яхнин, Е.Д. Эмоции и мышление / Е.Д. Яхнин // Вопросы философии. — 2022. — № 2. — С. 33–38.
3. Баранникова, Л.И. Введение в языкознание: учеб. пособие / Л.И. Баранникова; предисл. В.Е. Голдина. — Изд. 2-е, доп. — М.: Книжный дом «Либроком», 2010. — 387 с.
4. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира: кол. монография / отв. ред. Б.А. Серебренников. — М.: Наука, 1988. — 216 с.
5. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем. / В. фон Гумбольдт; общ. ред. Г.В. Рамишвили. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. — 400 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. — М., 1996. — 245 с.
7. Ким, О.Г. Беседы о жизни языка / О.Г. Ким. — Алма-Ата, 1989. — 112 с.
8. Потевня, А.А. Эстетика и поэтика / А.А. Потевня. — М.: «Искусство», 1976. — 613 с.
9. Кроче, Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика / Б. Кроче. — М.: Intrada, 2000. — 160 с.
10. Croce, B. Problemi di estetica e contributi alla storia dell'estetica italiana / B. Croce. — Bari: Laterza, 1910. — 528 p.

Поступила в редакцию 08.12.2025